Вейдер смотрел на младшего сына, свернувшегося калачиком в крошечной кроватке. Энакин, с любопытством смотрящий на отца, задавал множество вопросов, на которые Вейдер отвечал невнятно. Он рассказывал о войне, не уточняя деталей, о том, что был пилотом и командиром. Энакин жаждал услышать истории о приключениях, и Вейдер, сидя у кровати сына, начал пересказывать байки о клонах и повстанцах, не называя имен. Это было странно, но он верил, что такие истории могут сделать мальчика податливым, внушить ему восхищение. Он не верил в свои способности – его рассказы больше походили на боевые сводки, чем на сказки, – но Энакин был очарован. Наконец, мальчик уснул, и Вейдер решил погрузиться в медитацию, чтобы попытаться разобраться в себе.Он закрыл глаза, но вместо того, чтобы отстраниться от эмоций, как это делали джедаи, позволил мыслям блуждать по лабиринтам прошлого. Дарт Вейдер верил в то, что делал. Он искренне считал джедаев развращенными и слабыми, их учение искаженным. Сидиус, пусть и жестокий и жадный до власти, был необходим галактике. Когда Вейдер перешел на темную сторону, его единственной целью было спасение Падме. Совет джедаев отказался сделать его мастером, лишив доступа к древним знаниям, и Вейдер обратился к ситхам. Сидиус обещал обучить его всему необходимому, если тот поможет ему создать Империю.Сначала Вейдер колебался. Действия, которые требовал от него Учитель, были изнурительными, к тому же он был предан Республике. Но, выслушав весь план, включая Приказ 66, Вейдер принял решение. Это был приказ, который должен был быть выполнен в случае смерти, суда или приказа канцлера Палпатина. Даже если бы он убил Сидиуса той ночью, это не изменило бы ситуацию – джедаи дали бы отпор, началась бы гражданская война, и погибло бы множество невинных людей. Вейдер успокаивал себя мыслью, что, убивая этих людей, он спасает гораздо больше жизней. Но когда Падме все равно умерла, мир потерял для него смысл. Он думал убить Сидиуса, захватить Империю, но зачем? Сидиус был единственным другом, и Вейдер устал от предательства, особенно после встречи с Оби-Ваном. Сидиус дал ему новую цель: убивать, внушать страх. Последнее оказалось удивительно просто. С новой маской и предсмертным хрипом достаточно было просто стоять, и люди падали в слезах. Однообразие помогало ему справляться с горем. Он так и не смог по-настоящему смириться с потерей, но научился направлять свою боль, питать ею темную сторону. К тому времени, когда он узнал о своих детях, мысль об убийстве Сидиуса даже не возникала, особенно после видения совместного правления отца и сына. Да и тогда он не смог бы этого сделать. Его механическое тело, подарившее ему невероятную скорость, силу и рефлексы, имело один серьезный недостаток: уязвимость к свету. Из-за полученных ран, мести Оби-Вану, у него не было шансов против Сидиуса.Вейдер открыл глаза. Обычно, когда ситх медитировал, он анализировал свои эмоции, и темная сторона подпитывалась ими. Она всегда соглашалась с ним, поддерживая его чувства, будь то любовь, ненависть или что-то среднее. Но сейчас Тьма казалась равнодушной к его мыслям. Ее не волновало его чувство вины за убийство товарища-джедая, его гнев на джедаев, его горе, его беспомощность. Вейдер знал, что Тьма никогда по-настоящему не заботилась о нем. Она была паразитом, питающимся его душой. Но раньше она внушала ему чувство правоты, укрепляла его решимость. Темная сторона делала невозможным сожаление, потому что даже чувство вины не приводило к мысли об искуплении. Логика, холодная и безэмоциональная, была единственным, чего не допускала тьма. В один момент он чувствовал вину, а в другой оправдывал свои действия, и тьма одинаково поддерживала обе мысли.Теперь, когда Вейдер мог помнить о своих эмоциях и мыслить логически, он чувствовал себя еще более потерянным. Сила больше не вела его. Его моральный компас был сломан. Темнота всегда указывала ему путь, свет заставлял его идти по пути, который казался ему мрачным, безрадостным. Теперь же он был один, в пустыне.В этот момент он почувствовал теплое прикосновение к плечу. Повернувшись, он увидел Энакина, спящего, свернувшегося в клубок и обхватившего его локоны маленькими ручками. Нет, вспомнил он, он не один. У него есть сын и мать, у каждого из них свой путь. Ему оставалось лишь идти рядом с ними.

http://tl.rulate.ru/book/103150/3573809